

Юрий Иванов

Кышш, магуся!

Юрий Иванов

Кыш, магия!

«Издательские решения»

Иванов Ю. М.

Кыш, магия! / Ю. М. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741590-7

Если бы Алиса Льюиса Кэрролла жила в наше время и говорила по-русски, то её звали бы Саня и попала бы она в страну Набекрению. Это волшебный мир, где всё необычно, непредсказуемо и не подчиняется никаким законам, кроме магии. Весёлая сказочная история в жанре абсурда для детей от 6 до 60, которые любят головоломки, небылицы, лингвистические шутки и аллюзии. Вместе с Саней ищем выход из самых запутанных ситуаций, спасаем друзей и узнаём великий секрет. Читаем всей семьёй!

ISBN 978-5-44-741590-7

© Иванов Ю. М.
© Издательские решения

Содержание

Кыш, магия!	6
Глава первая,	6
Глава вторая,	12
Глава третья,	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кыш, магия!

Юрий Михайлович Иванов

© Юрий Михайлович Иванов, 2015

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Кыш, магия!

Сказочная повесть

Глава первая, в которой стучится Странный Почтальон и с лунным светом приходит пухлое-пухлое письмо

Саня сидела на подоконнике, глядела в окно и размышляла над тем, как ей не по вкусу собственное имя. Потому что все, абсолютно все, кто слышали её имя, но саму пока не видели, полагали, что она – мальчик. Правда, она себя успокаивала: «Когда повзрослею и сделаюсь тётенкой, меня будут красиво величать Александрой». Но от этого делалось ещё печальней: как бы Сане не мечталось переменить имя, ей для этого вовсе не хотелось стареть. А пока лишь один человек на целом свете звал её Александрой – это дядя Артур, мамин брат.

Когда он приезжал в гости (что случалось редко, всего три раза в год – на три дня рождения: папин, мамин и Санин), тогда в доме воцарялся весёлый переполох. Мама говорила, что брат несносен, потому что навсегда остался ребёнком. А вот Сане дядя Артур нравился очень-очень.

Дядя был забавный, он рассказывал волшебные истории и показывал фокусы. Одним взмахом превращал тросточку в букет цветов – и ничего, что бумажных. У него были «хитрые» монеты. Одна «бегающая», которая сама собой переносилась из руки в руку, то пропадала, то вынималась у Сани из-за уха или даже из носа. Другая монета была «мошенническая»: сколько ни подбрасывай, она всегда выпадала вверх решкой. Саня-то знала секрет: обе стороны у монеты были подделаны одинаковыми. И Саня весело смеялась всякий раз, когда дядя кому-нибудь предлагал разрешить серьёзный спор подбрасыванием монеты. Это было замечательно: решать нудный спор подкидыванием шутовской монеты. В общем, дядя приносил радость к ним в дом, балагурил и дарил чудесные подарки.

Так вот. Сейчас Саня в окно высматривала дядю Артура, который должен был с минуты на минуту появиться у их дома – ведь назавтра был день рождения её папы.

Незаметно опустился вечер, а дяди всё не было.

Тогда-то в дверь и постучал Странный Почтальон.

Почтальон был странным хотя бы потому, что постучал, а не позвонил – ведь дверной звонок работал исправно. Ещё на нём была форменная одежда, что для сегодняшних почтальонов необычно. Форменный китель с маленькими погончиками горел ярко-красным цветом. Фуражка была алой и такой высокой спереди (эта часть у фуражек зовётся тульей), что было загадкой, как Почтальон прошёл в прихожую и не зацепил тульей притолоку двери. А ещё (Саня могла в том поклясться) от него исходил диковинный аромат приключений!

– Вам телеграмма, – объявил Странный Почтальон и полез в чудную сумку, которая висела на ремне через плечо и была такой узкой и плоской, что одна-единственная телеграмма и могла в ней уместиться. Почтальон таинственно глянул на Саню и прибавил: – Ещё будет пухлое-пухлое письмо.

Наконец, он вытянул кончиками пальцев телеграмму. Мама потянулась за ней. Но Почтальон отстранился от руки и строго возразил:

– Мне поручено не вручить, а зачитать, – с этими словами поднёс телеграмму к глазам и прочёл безо всякого выражения: – «Не могу приехать точка Александра жди лунный свет точка дядя Артур точка».

– Теперь давайте письмо, – сказала мама.

Странный Почтальон вытаращил на неё большие честные глаза и ответил почему-то с обидой:

– Разве не ясно, что пухлое-пухлое письмо ко мне в сумку не поместилось бы! Оно будет доставлено с лунным светом, как сообщается в телеграмме.

– Каким-таким лунным светом? – всплеснула руками мама и огорчённо вздохнула. – Ну разве мой брат – не ребёнок?

Странный Почтальон пожал плечами, одарил Саню таинственным взглядом и ушёл, поскрипывая новенькими ботинками.

Мама с папой посудачили недолго о том, как исправлять дядю Артура, – ни на чем путном не сошлись, и семья дружно отправилась спать.

Саня ворочалась в своей комнате в постели, ей не спалось. Было обидно, что дядя не приедет. Сане вспомнился таинственный взгляд Странного Почтальона и обещание доставить пухлое-пухлое письмо с лунным светом. Тогда, чтобы не прозевать лунный свет, Саня тихо оделась (при этом огорчилась, что не взяла в комнату туфельки), села на кровать и настроилась на долгое-долгое ожидание – если понадобится, так до утра.

Но столько ждать не пришлось!

Только над городом взошла луна, свет пролился в комнату и разостлался по столу будто бы серебряным снегом с одним сугробом.

От удивления Саня подскочила на кровати. Побежала к столу, зачерпнула полную пригоршню дивного снега – он пах сладко, булочкой с ванилью. Саня слепила снежок и завертела головой, думая, куда метить, – да не придумав, просто кинула в стену. Снежок ударился, разлетелся на лунные брызги: одна капелька даже попала на нос Сане – она взвизгнула от сюрприза, но мигом зажала ладонью рот и юркнула под стол.

Хорошо, что ни мама, ни папа не проснулись. А Саня (став глубоко ответственной, как того требовали необычные обстоятельства) принялась исследовать стол, покрытый лунным снегом.

Саня опасливо запустила в сугроб пальцы, они наткнулись на что-то... твёрдое. Она склонилась, дунула – и ах! из-под снега оголился огромный пухлый-пухлый конверт. Внутри была обувная коробка, в которой лежали... и впрямь, башмачки. Серебристые, как лунный свет, они сверху были украшены золотыми бантами в виде бабочек. На дне коробки находилось письмо. Саня подставила бумагу под льющийся из окна свет луны и прочла, волнуясь:

«Милая Александра, я угодил в жуткую беду – меня назначили королём в стране Набекрения. Но ты-то знаешь: какой из меня король? Быть королём ужасно скучно! Я обращаюсь за помощью к тебе, а не к твоим родителям, потому что они всё равно в это не поверят. А чтобы попасть в Набекрению, надо не просто верить – нужно твёрдо знать, что это место существует!

Думаю, ты уже готова к путешествию и стоишь одетая, но, чтобы обуться, тебе придётся красться в прихожую. Не ходи, никого не буди. Надень эти *правильные!* башмачки.

Если решишь остаться дома – не обижусь, это верное решение, потому что здесь очень-очень-очень опасно.

А если всё-такипустишься на выручку, тогда внимательно прочти письмо до самого конца... и, надеюсь, мы оба до утра вернёмся домой живы-здоровы.

Твой дядя Артур, теперь ещё и король».

Разве Саня когда-нибудь чего-нибудь боялась? А тем более, опасных странствий!

Она решительно сунула ноги в башмачки, но они оказались жутко малы.

«Как несправедливо, – подумала она, – натирать ноги тесной обувью в дальнем путешествии».

– Наверное, где-то тут что-то тут неправильно.

Только сказала, башмачки – хлоп! вытянулись так сильно, что за пятками появилось сантиметров по десять свободного места. Саня сокрушённо вздохнула и попробовала пройтись по комнате, но вышло одно ковыляние и шарканье.

«Ковыляя и шаркая, не спасёшь никого, – решила она. – В пору будет меня саму спасти команде каких-нибудь вертолётных спасателей... или обувных спасателей!»

Тут вспомнила волшебные слова, что недавно произнесла, и догадалась: «Наверное, где-то тут что-то тут неправильно – это увеличительные слова. Надо поискать уменьшительные. Они, конечно, должны быть схожими, но звучать как-то наоборот».

Она стала придумывать и проговаривать без разбору разные похожие слова, совершая медленные обходы вокруг стола:

– Где-то не тут что-то не тут правильно. Было – не было, всё туфельками поросло. Быль – небыль, туча пыли. Бух – не пух, бах – петух, всем привет!

Но башмачки или никак не реагировали, или только увеличивались. Когда все слова были испробованы, Саня тащилась по полу в гигантски вытянувшихся башмаках, будто шла на лыжах.

Тогда стала читать башмачкам умасливающий стишок, который тоже сочиняла на ходу, тем более что её ход в сверхдлинных башмачках сделался сверхмедленным:

Шли ботинки в магазины
Любоваться на витрины:
Сапоги там из резины,
Ещё щётки из щетины.

Там стояли сандалеты
И пуанты из балета,
Тапки были из вельвета,
И очень старая котлета!

Вдруг Сане надоело нести околесицу, и она не на шутку осерчала.

– Ну-ка, – сказала она, грозя башмачкам пальцем, – немедленно станьте правильными! Или подарю вас подруге Зине, а она такая неряха, никогда обувь не чистит!

И, о чудо! Башмачки мигом съёжились и пришлись по ногам – наверное, испугались. А может, подействовал приказ стать правильными, ведь дядя так и писал: это правильные! башмачки.

Разобравшись с башмаками, Саня бросила на стол письмо, которое по-прежнему держала в руке.

Невероятно! Письмо, упав в лунный снег, принялось складываться, пока не сложилось в бумажного голубя – птица замахала крыльями и полетела. Лунный свет, встревоженный крыльями, сорвался со стола и потянулся дорожкой за птицей. Она сделала круг и устремила в стену – туда, куда Саня попадала снежком. Голубь коснулся стены и пропал, будто пролетел насквозь. Лишь лунная дорожка осталась висеть протянутая от стола к стене.

Новая игра пришлась Сане по вкусу, и она бодро полезла на стол. Оттуда ступила на лунную дорожку и не провалилась: свет прогнулся, но выдержал. А вот идти по свету оказалось сущей морокой – он провисал и раскачивался под ней.

Саня вздохнула и, не придумав ничего лучшего, опустила на четвереньки. Так она дочетверенькала до стены. Окинула прощальным взглядом комнату и вдруг поняла, что прощаться-то не с чем. Она покидала скучную, тысячу раз исхоженную комнатенку, а впереди ждало приключение, новоиспеченное и неразведанное!

Тут она, к месту вспомнив о разведке, сунула руку в стену – туда, где исчез бумажный голубь. Рука провалилась по плечо и, наверное, вылезла в Набекрении. Саня представила себе, как там торчит ее рука и такая же девочка, только тамошняя, видя эту ничейную руку без туловища, сейчас бухается в обморок. Саня решила, что это нехорошо.

Она запустила в стену вторую руку и полезла вслед за руками. Проход оказался неширок, и она застряла. Положение было неприглядно: где-то впереди, в чужом мире, торчали руки, где-то позади, в родном мире, торчали ноги, а сама Саня застряла здесь, между мирами. Она уже подумала вернуться, но прогнала пораженческую мысль и, выдохнув воздух без остатка, взялась пропихиваться вперед, дрыгая попеременно ногами.

Внезапно она вывалилась наружу и шлепнулась... на поляну.

Здесь светило солнце, пели птицы и воздух был необычайно свеж – в общем, над поляной витал дух летних каникул. Поляну устлали одуванчики. Саня гостила прошлым летом у бабушки, которая потчевала её одуванчиковым мёдом. Он был золотистый, душистый и отличался от всех мёдов резким незабываемым вкусом.

На этой же поляне одуванчики были уже другие. Их семена поспели, и теперь имелись шарообразные опушённые хохолки. Тут стояло ровным счётом девятьсот девяносто девять хохолоков (откуда Саня столь точно знала – необъяснимо, но знала точно!).

Вдруг Сане так и захотелось их всех разом обдуть!

Но надо быть великаном (или хотя бы вентилятором), чтобы дунуть на всю поляну. Она застыла, примеряясь так и этак, и вдруг побежала, размахивая руками, будто ветряная мельница. Пух с одуванчиков сорвался, полетел, взвихрился сплошной завесой вокруг Сани, а она, дурачась, закричала:

– Меня упаковали в вату! Или даже в сахарную вату!

Неожиданно налетела стая птиц. Они врывались в пуховое облако, склёвывая семена на лету. Это выглядело волшебно: вокруг Сани выюжили тысячи крохотных пушистых парашютов, за которыми ныряли десятки проворных птиц.

– Ох! – воскликнула Саня. – Похоже, я заварила пуховую революцию. Пора уносить ноги, пока не слетелись огромные орлы, которые примут меня за одуванчик и утащат на высокую скалу к голодным птенцам.

Она представила себя сидящей в огромном гнезде из веток в окружении больших орлиных птенцов: она будто бы читала им умный стишок, а глупые птенцы не слушали и всё время пытались её клюнуть.

Саня покачала несогласно головой и пошла прочь с поляны. Благо рядом пролегала лесная тропинка. Саня беззаботно запрыгала по ней и вскоре увидела впереди тропиновый перекрёсток. А чуть правей него, возле роскошного куста шиповника, паслись две осёдланных лошади и оглаживали ягоды.

– Привет, лошадки! – крикнула шутливо Саня.

– Привет! Ты кто? – ответили ей.

– Привет! Куда путь держишь? – ответили ещё раз.

Но Саня-то видела, что лошади усердно жевали – им было не до разговоров. Потому заподозрила розыгрыш и, чтобы проверить свои подозрения, демонстративно громко сказала:

– Лошадки, я – Саня, иду себе мирно по делам!

Сама же тихо-тихо прокралась на цыпочках к кусту, где они паслись.

– Скажи, Саня, – раздался голос из-за шиповника, – ты какой: умный...

Саня заглянула за куст. На траве лежали двое стражников в блестящих касках, в длинных зелёных кафтанах (и это несмотря на жаркий день!). Оба явно мучились бездельем.

– ...Или глупый? – продолжил другой, что лежал левей.

– Я вижу вас, обманщики! – категорично объявила Саня.

Стражники подняли головы, поглазели на неё и сказали:

- Ступай отсюда, девочка, не мешай.
- Ступай, мы разговариваем с мальчиком Саней.

Саня печально вздохнула и призналась:

- Я – девочка.
- Вот именно, отойди девочка!
- Беги отсюда, не мешай разговаривать с мальчиком!

Тут Саня заметила на пересечении тропинок столб с указателями. Она изумилась, потому что надписи на них были комичны. На указателе «влево» было написано «К берлоге Магистра, хо-хо». А на указателе «вправо» – «Деревня Глупцов, туда не ходи».

Саня сказала стражникам:

– Саня – это я, девочка. Это я с вами говорила, – и спросила: – Так вы из Деревни Глупцов?

– Всё же нам ответь: ты умная или глупая?

– Я умная, – гордо сказала Саня.

– Наконец-то! – стражи вскочили, схватили острые пики и объявили: – Именем короля Изольды ты арестована!

– Это с чего бы? – не согласилась Саня.

– Нам велено ловить умных путников и везти к нам в деревню. А когда в нашей деревне пойманных умных станет больше, чем нас, местных глупых, тогда деревню переименуют в Деревню Умников. Таков величайший план нашего короля Изольды по улучшению нашей деревенской жизни.

– План королевы Изольды, – твёрдо поправила Саня и пояснила: – Изольда не может быть королём, потому что из женщин получаются только принцессы или королевы.

– Да ну? – стражники засмеялись. – Вот ты – Саня, а не мальчик. Если Саня может быть девочкой, так отчего бы Изольде не быть королём! Ты арестована во благо нашей деревни!

– А вы поймите! – подзадорила Саня и помчалась к берлоге Магистра, хо-хо.

– Стой! – стражники, забыв о лошадях, пустились в погоню.

Но трудно угнаться за резвой Саней, если одеты в длинные кафтаны, стальные каски и несёте тяжёлые пики – тут уж не до быстроты.

Саня же легко летела в новых башмачках. Чудилось, сами башмачки подкидывали ноги, будто пружинили или даже окрыляли. Конечно, она не собиралась ни в берлогу, ни к Магистру, а думала промчатся мимо того странного места и оставить погоню с носом.

Внезапно тропка под ногами переменялась, превратилась в глянцевую дорожку, отливавшую точно оранжевое стекло. Но Сане рассматривать было некогда, так как преследователи были настырны. Стражи тяжело пыхтели, отставали, но не сдавались и грозно кричали:

– Стой, умная!

– Сдавайся, умная!

Саня не сомневалась: от них, неуклюжих, убежит в два счёта. Но вдруг горизонтальная дорожка наклонилась и сделалась горкой. Саня упала, перекатилась на живот, попыталась уцепиться пальцами хоть за что-нибудь. Но ни малейшей зацепки. Тогда, распластавшись и уперевшись в оранжевое стекло носами башмачков, она постаралась прилипнуть ладонями к горке, точно муха, однако не вышло (и это понятно, ведь она была девочкой, а не мухой). Саня неумолимо сползала вниз.

– Но дорожка вела к Магистру! – вспомнила она и крикнула набум:

– Ау! Магистр! Хо-хо!

– Зачем так громко? – сурово спросил старичок откуда-то снизу, из-под дорожки. – Я не глухой. Но извиняй, я занят необычайно важным делом – дремлю после сытного обеда.

– Но я падаю!

– И падай себе на здоровье. Я под тобой соломки постелил – не ушибёшься. Ты из Деревни Глупцов?

– Нет! Я из далёкого города!

Голос сразу подобрел:

– Другое дело, таким гостям рад! Тогда чего цепляешься? Вались вниз, и добро пожаловать в берлогу.

– Так и быть, валюсь, – мрачно пробурчала Саня.

Однако валиться не получалось: она по-прежнему медленно съезжала по скользкой горке.

Тогда Саня спокойно улеглась на бок, подпёрла рукой щеку – в общем, устроилась поудобней. Ведь неизвестно, сколько ещё лет ей предстояло ехать к Магистру при таком-то неторопливом скольжении. Может, два года, а могло стать, все двадцать. Саня представила себе, как двадцать лет будет ехать и ехать, потихоньку старея. И когда наконец ввалится в берлогу (уже старенькая и седенькая), тогда с чистой совестью скажет: «Здравствуйте, давным-давно я выехала к вам Саней, но доехала уже Александрой!»

Или даже так, красиво: «Бонжур, я престарелая бабуся из Франции, теперь зовусь Александрой!»

Тут поняла, что тогда совершит дурной поступок – соврёт, ведь она не из Франции. Но мигом отыскала выход. Если сейчас же поклянётся себе, что потом обязательно съездит во Францию, то соврёт она ненадолго, только до поездки в эту европейскую страну. И когда оттуда возвратится, тогда ложь обернётся правдой и она сразу перестанет быть врушей-грушей!

Но поклясться она так и не успела, потому что стеклянная горка внезапно оборвалась, и Саня наконец-таки повалилась хоть куда-то...

Глава вторая, в которой двери прячутся за дверьми, а Люминивый Попугай слишком много на себя берёт

Падая, Саня глянула вниз и увидела под собой крышу домика, но не успела испугаться, как пролетела её насквозь. Она упала на пол, выстланный толстым ковром, бархатистым и пружинящим. Саня села и огляделась.

Комнатушка, в которую она приземлилась, выглядела нелепо. Вся мебель была сплетена из толстой лозы: даже умывальник в углу, картины и, поразительно, светильники на стенах. В кресле-качалке, тоже из лозы, тихо сидел старичок без бороды в белых брюках, белой рубашке и белых-белых теннисных туфлях. Он выглядел эдаким одуванчиком: чистенький, седенький и благодушный.

Старичок покачивался в кресле, заложив ногу за ногу, и добродушно посматривал на Саню одним правым глазом, зрачок которого был серым и тусклым. Левый же глаз был прикрыт чем-то, что Саня окрестила «несуразным моноклем». Это была большая круглая оправа со стеклом, заклеенным обрывком газеты с надписью «брысь!», выведенной красным карандашом. Несуразный монокль ни на чём не держался (не было ни душки за ухо, ни верёвочки), он просто висел, прикрывая левую глазницу старичка.

Саня вспомнила, что неприлично пялиться на незнакомых людей, и перевела взгляд на окно. Но занавески закрывали его столь плотно, что смотреть туда оказалось неинтересно. Тогда она перевела дух и сделала четыре хороших дела зараз – состроила сердечное лицо, поздоровалась, поблагодарила и представилась:

– Здравствуйте. Спасибо. Я – Саня.

Старичок ответил отчего-то сокрушённо:

– Хотел бы с излишними церемонностями пригласить тебя в гости, да поздно: уже ввалилась кубарем. Я – Вверх Магистр, а «хо-хо» не значит ничего, это я так, для смеха на указателе приписал.

Слова прозвучали чужаковато, а имя и вовсе чудно, но Саня решила: не её это дело. И, чтобы наладить тёплые отношения, любезно посочувствовала старичку:

– Очень, очень жаль, что вы его потеряли.

– Что потерял?

– Ваш глаз.

– Батюшки! – переполошился хозяин берлоги. – Я потерял глаз. Нужно срочно искать!

Он сделал едва уловимое движение бровью – и несуразный монокль сам собой перескочил через переносицу на правый глаз. Старичок, сидя на кресле-качалке, наклонился, согнулся пополам и принялся осматривать пол открывшимся левым глазом.

– Куда ж он закатился? – сетовал хозяин.

– Ой! – вскрикнула Саня. – Да у вас оба глаза на месте.

Старичок поднял взгляд на неё, обстоятельно оглядел, похоже, с затаённым подозрением. А Саня, позабыв о приличиях, уставилась на глаз, что открылся. Зрачок его жёлто горел, точно тигриный глаз. Ещё в нём время от времени пыhalo золотое пламя – и тогда на грудь старичку низвергалась россыпь искр, таких же ярких и жёлтых, как сам зрачок.

Магистр вновь двинул бровью, монокль прыгнул обратно и прикрыл «тигриный» глаз. Старичок пожевал губами в раздумьи и Сане медленно выговорил:

– Несуразная ты какая-то. С крапивной чудинкой, да не злая. Это вроде как не ахти – да недурственно, местами славненько.

– Не обижайтесь, пожалуйста, – грустно попросила Саня. – Я нечаянно так решила про ваш глаз... по ошибке... глядя на заклеенный монокль.

Старичок расплылся в улыбке и охотно пояснил:

– Это не монокль, а *отпугмаг*. Видишь ли, серый глаз у меня заурядный – обычный человеческий. Другой же, который цвета волшебства, – магический. Увы, когда не ворожу, вынужден держать его под заслонкой, чтобы невзначай не сотворить чего ненужного... или опасного... или бесконечного.

– Так вы – волшебник! – Саня распахнула рот в изумлении, но спохватилась и запахнула. – Что такое отпугмаг?

– Это сокращение от слов «отпугиватель магии».

– А надпись зачем?

– Это милое «брысь!»? – зачем-то уточнил Магистр.

Саня кивнула.

Старичок поднял к потолку указательный палец, как поступают пожилые люди, когда требуют особого внимания, и обстоятельно растолковал:

– Как раз «брысь!» и прогоняет назойливую магию, которая вьётся над моей головой, норовя залезть в левый глаз. А отпугмаг вроде цепного пса: не лает, не кусает и в глаз не выпускает!

Саня поникла: сказать не сказать, и всё-таки не удержалась, поправила старичка:

– Не лает, не кусает и в дом не выпускает – эта загадка не про собаку, а про надёжный замок.

Тут откуда-то снаружи домика долетел громкий стук, будто со всей силы били ногой в дверь.

Саня вздрогнула.

– Кстати о замках, – старичок беззаботно улыбнулся и, указывая на окно, пояснил: – Это там, наверху, дверь ломают.

– Дверь? Не видела никакой двери.

Магистр добродушно хихикнул:

– Ну, ты же нормальная. А они... – он брезгливо скривился, – ...привыкли всюду двери ломать, вот и здесь ломают. Нужно не нужно, есть дверь – нет двери. Всё одно, ломают.

– А вдруг выломают? – спросила с тревогой Саня.

Магистр пожал плечами и в свою очередь спросил:

– Как можно выломать то, чего нет?

Теперь уже Саня пожимала плечами.

Старичок встал, подошёл к окну и раздвинул занавески.

– Ух, ты! – воскликнула Саня.

За окном вдали высились могучие горы, а вернее сказать, могучие горы низились, потому что были перевёрнуты вершинами книзу. Снежные шапки с горных пиков опасно провисали, да не срывались. Узкий ледник взбирался по ущелью, также перекувырнутому вверх тормашками.

Магистр же расценил её восклицание по-своему: озорно подмигнул Сане и решительным толчком рук распахнул оконные рамы. Высунулся по пояс наружу и с деланной сердитостью прокричал:

– Хватит тарабанить! В берлоге никого нет. Хозяин вернётся через сто лет. Просьба обождать и не беспокоить. Хо-хо!

Магистр переместился из окна в комнату и, безмерно довольный своей шуткой, ликуяще сообщил:

– Какой я молодец, знатно их разыграл!

В самом деле, несмотря на явную нелепицу его заявления, удары прекратились, и топот бегущих ног зазвучал удаляясь.

Магистр весело прибавил:

– Побежали доносить королю Изольде, что меня нет дома. Хотя, если поразмыслить: ну откуда королю быть в деревне? Деревня же не королевство! – и, заметив только сейчас в глазах Сани немой вопрос, всполошился: – Ох-ох, что не так?

– Горы.

Старичок доверительно повинулся:

– Абсолютно права: это горы. Понимаешь, я прожжённый гурман: души не чаю в чистом горном воздухе.

– Я не про то, – сказала Саня. – Там наверху, на тропинке, гор не было... И почему они перевёрнутые?

– Моя берлога лежит на ином, на Горном Уровне, – обыденно пояснил Магистр. – А что горы перевёрнуты, так это на свежесть воздуха не влияет. Ну ладно... чтобы тебя не смущало...

Магистр надавил рукой на угол подоконника, и оконная рама, вся целиком, перекрутилась вокруг центра. С рамой перевернулся и пейзаж за окном, точно был картиной. Снежные пики устремились вверх, как и полагалось от природы. Но теперь оказалось опрокинутым окно: подоконник вздернулся вверх, а шнур, на котором крепилась занавеска, переехал вниз – оттого шторки свесились аж до пола.

Старичок в раздумьи побарабанил пальцами по оконной раме да махнул на окно рукой и сказал:

– Бяк-сяк, пустяк. Так зачем я тебе столь срочно понадобился?

– Ни за чем, – пожала плечами Саня.

Ведь правда, сюда она попала совершенно случайно, спасаясь от погони.

Хозяин берлоги не подивился такому ответу, лишь переспросил, скрупулёзно уточняя:

– Как сильно ни за чем: просто ни за чем, или нисколько ни за чем?

– Ни капельки ни за чем, – предложила Саня третий вариант.

– Ого! Дело особой судьбоносности! – ошеломлённо воскликнул Магистр. – Заплутавший путник – это не какой-нибудь мелкий лазутчик, это мировая катастрофа!

Он бровью подвинул отпугмаг, открыв волшебный глаз.

Саня увидела, как полоска золотистого света проблеснула у старичка из-за уха и шмыгнула в магический глаз – наверное, это было то самое кружившее над головой волшебство, о котором он говорил. Глаз запульсировал неведомой силой, обсыпая грудь и плечо старичка золотыми искрами.

Магистр по-хозяйски распорядился:

– Следуй за мной, не отставай ни на шаг, коль жизнь дорога.

И пошёл вдоль окна.

Саня могла поклясться: только что справа от окна не было двери. Теперь же дверь, низкая и широкая, сама отворилась перед Магистром.

Магистр прошёл первым. Саня переступила порог следом, помня о строгом наказе не отставать.

Они вошли в комнату, которая была квадратной. В углу по жёрдочке расхаживал Попугай диковинной расцветки, будто его обсыпали алюминиевой пудрой. Он важно ступал лапами в густых перьях, как в штанишках. При этом хитро щурился и на каждом шаге кивал себе хохлатой головой, точно бы соглашался с тайными мыслями.

Понизу комнаты шли четыре нормальных двери, а над ними возвышались четыре двери, перевёрнутые вверх тормашками, как недавно горы в окне. Для верхних дверей полом служил потолок. Кроме того, ещё одна закрытая дверь лежала на полу, прямо-таки под ногами.

Магистр указал на неё и остерёг:

– Не наступи, не то... – он вскинул руки над головой, резко растопырив пальцы, – ба-бах!
Сам прилежно дверь обогнул и отворил другую, нормальную, в противоположной стене. За ней тянулся коридор, в конце которого была дверь. Далее новый коридор и снова дверь. Там ещё коридоры, ещё двери...

Неожиданно старичок приостановился и скомандовал:

– Ступай медленней. Медленней. Ещё медленней.

– Извините, – не утерпела Саня, придерживая шаг. – Зачем вам столько дверей и пустых коридоров?

Магистр смятенно обернулся:

– Будь добра, не отвлекай. Я меняю измерения пространства на многих уровнях сразу. Это нелегко. Зато мы отлично ходим по кругу.

– Но круг никуда не приведёт.

– Естественно! Но закруглит нас к Магистрате!

– Кто такая Магистрата?

– Она – сестра Магистра.

– Но Магистр – это вы.

– Ай-ай-ай, бедняжка. Ты только сейчас это поняла? Конечно, Магистр – именно я, не сомневайся.

– Стало быть, Магистрата – ваша сестра, – вдумчиво пояснила Саня.

Магистр стал как вкопанный и огорошенно произнёс:

– Э, вона как дело обернулось. То-то гляжу, мы со старушкой похожи. Эх, мне бы не забыть эту новость ей передать – вот старушенция обрадуется.

Он пошёл дальше, сокрушённо покачивая головой.

Из его мудрёных ответов и головоломных суждений Саня уяснила лишь одно: не нужно старичка отвлекать.

Пройдя следующую дверь, они оказались опять в квадратной комнате с попугаем. С той лишь разницей, что бывший потолок теперь стал полом, а прежний пол – потолком. Опасная дверь в центре него распахнулась и висела, качаясь на петлях и скрипя: в проёме было видно ночное небо, всё в звёздах.

– Эти звёзды, они настоящие? – спросила изумлённая Саня.

– Естественно, нет, – возразил Магистр. – Эти звёзды истинные, это Млечный Путь. Но мы по этому пути не пойдём.

И он отправился вперёд через комнату.

Попугай был на жёрдочке вниз головой. Он внезапно сощурил глаз, сорвался с насеста и облетел комнату на спине, выбрасывая крылья так, как выкидывает руки плывущий на спине человек.

– Он что, ненормальный? – изумилась Саня.

Попугай вернулся в угол, опять повис на жёрдочке хохлатой макушкой книзу и оттуда невежливо прокричал Сане:

– Сама ненормальная! Это ты ногами вверх!

– Вверх – это он меня приветствует, – радостно объявил Вверх Магистр и приветливо помахал ладошкой попугаю.

– А давайте, – вежливо предложила Саня, – выпустим попугая на волю. Ему явно не по нутру сидеть взаперти.

– На волю? – Магистр непонимающе вытаращился на Саню, но мигом расплылся в широкой улыбке. – Ты добрая. Но не переживай – это не живой, а Люминивый Попугай. Он иллюзия, которая мне нужна, чтобы верно определять высоту-глубину у коридоров пространства, когда их изгибаю.

Затем Магистр кивком указал на дверь справа:

– Наш путь лежит через эту Толковую дверь и по вещевому хранилищу, что за ней. Но выпустит ли дверь тебя? Всё зависит от чистоты твоих помыслов и намерений...

– А если во мне... дурные мысли, тогда что?

– Испепелит на месте, – сказал старичок и быстро остерёг: – К Толковой двери пока не прикасайся, дождись, я отойду в сторонку, чтобы и меня в случае чего нехорошего не сожгло пламенем.

Он отступил от Сани, пятясь задом и не прекращая, однако, её ободрять:

– Как отойду, толкай смело: чему суждено сгореть – того не потушить.

Саня всерьёз задумалась: стоит ли вообще толкать Толковую дверь? Решила, что стоит: ведь за ней пряталось что-то необычайное. Она честно поискала в себе тёмные намерения, но не обнаружила, поэтому смело толкнула дверь, думая лишь о том, чтобы дверь в ней не ошиблась невзначай.

Саня ощутила, как горячие мурашки припустили по спине, и в голове закопошились чужие вопросы. Они, понятно, исходили от Толковой двери.

«Где находится Северный полюс?»

– На севере, – твёрдо ответила Саня.

«Где находится Южный полюс?»

– На юге, – твёрдо ответила Саня.

«Где находится экватор?»

– Посередине между севером и югом, – твёрдо ответила Саня.

«Где находится...»

– Эй-эй! – закричала Саня, которой допрос двери надоел. – Если ничего не знаешь – так изучай географию. Ну-ка, проваливай из моей головы.

Стороннее присутствие исчезло, заявив напоследок: «У-у, нахалка!» И на смену вопросам явилась редкая лёгкость, будто прибавилось сил – даже башмачки, преисполнившись энергии, затанцевали сами собой.

И вдруг Саня, не желая того, пустилась в пляс! Со стороны это выглядело неважно, потому что башмачки отплясывали бесконтрольно. Ноги выделявали чудные коленца, от которых Саня то подпрыгивала, то приседала – иногда и то, и другое разными ногами одновременно. От этого ноги заплелись, и она растянулась на полу.

А в голове отчётливо раздалось:

«Будешь знать, как хамить Толковым дверям!»

Следом и Люминивый Попугай раскричался:

– Танцор-ры с возу упа-али! Попр-рошу во-он!

– Месье Попугай, – сказала Саня, которая сидела на полу и отдыхала после сумасбродного танца. – Вы слишком много на себя берёте!

Но главное случилось: Толковая дверь, что вела в хранилище, широко распахнулась.

– Славненько, что в тебе не ошибся, – похвалил Магистр и обошёл Саню опасливыми шажочками, – хоть и капитально в тебе сомневался.

Саня встала, вслушалась в голову – но там стояла милая сердцу тишина. Тогда девочка сказала Магистру:

– Сумасбродная у вас берлога. Здесь одни двери прячутся за другими, будто бы играют друг с другом и с нами в прятки.

Но Магистр не согласился категорически:

– Нет-нет, что ты! Большую часть времени мои двери играют в салочки!

– Они что, все гоняются друг за другом? – не поверилось Сане.

– Нет-нет! У нас всё по правилам. Только водящая дверь гоняется за другими, чтобы их осалить – а те, сама понимаешь, несутся сломя голову. И на пути у них лучше не стоять, поэтому я прячусь под столом.

Сказал так и прошёл в Толковую дверь.

Саня побрела следом, размышляя: «Неплохо бы наловчиться понимать: когда старичок говорит правду, а когда шутит».

Здесь, в центре просторной залы, была навалена высоченная гора из старых вещей – пожалуй, тонны всякого хлама. Тут лежали сотни ковров, потёртых и побитых молью до дыр. Тысячи столов и стульев топорщились поломанными ножками. Из середины завала выпирало железными боками нечто грандиозное, похожее на старинный паровоз, какой Саня видала по телевизору. Там и сям из ворохов старья торчали ржавые стеллажи и полки. От кучи растекался угнетающий запах лежалого тряпья. В общем, не хранилище, а заброшенная свалка.

Однако лицо Магистра сияло счастьем:

– Это я в прошлом году, когда тут порядок наводил, всё так аккуратненько по местам сложил.

– Аккуратненько? – Саня всплеснула руками и хмыкнула иронично.

Она ещё на раз окидывала взглядом свалку рухляди, где не было видать и намёка на порядок.

– Конечно, аккуратненько, – подтвердил Магистр, потирая руки. – Заглянула бы в соседнюю комнату – вот где, признаюсь, полнейший обвал.

Саня промолчала из вежливости.

Старичок тем временем пояснил:

– Тут хранятся волшебные вещи.

– Всё это волшебные вещи? – ахнула она.

– Да. Хочешь, подарю волшебную палочку?

Саня решила, что палочка сгодилась бы. Но выпрашивать что-либо посчитала дурным тоном, потому просто кивнула, как бы соглашаясь с решением самого Магистра, но не попросив палочку.

– Легко отыщем, – старичок заходил вокруг кучи, вглядываясь в предметы. – Вспомнить бы, куда её положил.

Саня указала на побитые молью ковры:

– Это что, ковры-самолёты?

– Кто б знал, – отмахнулся Магистр, который, согнувшись, рылся в куче хлама. Но найти здесь что-нибудь определённое было невозможно. Он выпрямился: – Видать, палочку я положил в другое место. Там, где полный обвал, то есть в соседней комнате.

Он прошёл бодрыми шажочками к неказистой двери с облупившейся по всей поверхности краской. И со словами: «Точно! Она здесь!» потянул за дверную ручку.

Водопад из вещей, сдерживаемых до того дверью, ринулся на свободу...

– Берегитесь! – воскликнула Саня, да поздно, Магистра завалило с головой.

Накативший вал вещей утрясался-усаживался около минуты, пока, наконец, не затих.

– Магистр! Вверх Магистр, где вы? – напрасно звала Саня, обегая навал с трёх сторон.

Старичка не было видно. Она ухватила причудливую металлическую загогулину, потянула...

Вдруг вещи сами лениво зашевелились. А затем...

Весь навал зараз подскочил к потолку и там закружил. На полу остался только Магистр. Он лежал на спине, и ярко-жёлтый глаз источал золотистую магию. Старичок победно сжимал в руке короткую толстую палочку, длиной с карандаш и толщиной с сардельку. Он гордо произнёс:

– Видишь, не обманывал: обвал тут полный.

Саня подала руку, чтобы помочь подняться. Но волшебство уже подхватило старичка и, перевернув через голову, утвердило на ногах.

Саня с опаской покосилась на кружащую над головой тучу из тяжелых остроугольных предметов и со вздохом сожаления сказала:

- Кабы знала, сколько всего на вас обрушится – так и не надо бы мне волшебной палочки.
- Ах, как ты права – действительно, не проблема.

Иногда казалось, что старичок уходил от мира во внутренний разговор, из которого извлекал свои диковинные ответы.

Из магического глаза полетели искры, и вещи из-под потолка ринулись гуртом обратно в открытую дверь – они толкались, спеша обосноваться на насиженных местах. Когда набились стеной, тогда из недр выскользнула резиновая перчатка. Она надулась, пальцы-сосиски ухватили дверную ручку, потянули – и дверь захлопнулась, издав зубодробительные звуки: кряц-бряц-бац-цац!

Сделав дело, Магистр прикрыл магический глаз отпугмагом и отдал волшебную палочку Сане:

- Держи подарок.

Саня опасливо повертела вещицу в руках.

- Что может эта волшебная палочка?

– Одно из двух: или может всё или ничего, – магистр мучительно свёл брови, стараясь выудить из памяти нечто ускользающее, но сник: – Память как решето – ничегошеньки не помню об этом волшебстве. Сколько же мне лет?.. Эх, хоть кто-нибудь знает: сколько же мне лет?

- Не беда, – сочувственно ободрила Саня.

- Точно. Спрошу сестричку, у неё с памятью всё в ажуре.

Но Саня покачала головой:

– Лучше не знать свой возраст. У моей подруги Зинки жила ручная мышь. Хорошенькая, пушистая. И вот, когда справляли день рождения мыши – а стукнуло ей три годика – Зинка вычитала в журнале, что домашние мыши и живут-то всего два-три года. И по глупости рассказала мышке, что ей сейчас – будь она человеком – исполнилось бы девяносто лет. Мышь услышала такое, осознала возраст – и вмиг померла.

Магистр воодушевлённо заторопился вправо.

Там, конечно, стояла дверь. Саня уже не удивлялась нескончаемым дверям, но эта была особенная: высокая-высокая и узкая-узкая – будто бы вытянутая до потолка дверца одёжного шкафа.

Магистр постучал, повторяя:

- Магистрата... Магистрата... Магистрата...

Дверь открылась сразу.

Саня не видела Магистрату – спина старичка полностью перекрывала узкий проход – но была очарована сиянием, пролившимся из комнаты. Сияние выглядело так, будто все холодные цвета палитры красок смешались, и полученный оттенок заиграл вертикальными полосами света. Так, верно, переливалось и северное сияние, которого Саня никогда в жизни не видала.

- Чего надо? – спросил ворчливый старушечий голос.

– Я шёл спросить, – признался Магистр, – сколько мне лет. Но уже не хочу, потому что от этого знания мрут даже мыши.

- Вздор! – Магистрата захлопнула дверь у него перед носом.

Саня же серьёзно воскликнула:

- С Зинкиной мышью был не вздор, а всамделишно!

Дверь снова распахнулась, и старушечий голос озадаченно спросил:

- Кто хоронится за тобой?

- Знать не знаю! – отчего-то радостно ответил Магистр. – Просто Саня.

- Мальчик Саня или Саня девочка?

Магистр неуверенно сказал:

- Скорей всего, Саня девочка. Потому что в платье, но без отчества и без фамилии.
- Зачем фамилия? – встряла в разговор заскучавшая Саня. – Просто – Александра.
- Входите, – позвала старушка. – И просьба: ноги не вытирать. Ни в коем случае!

Глава третья, в которой олады водят хороводы, а Люминивый Попугай выделяется уже по полной

Саня протиснулась в проём двери и оказалась в огромной зале – природной пещере, образованной в недрах горы.

Высокий потолок был покрыт кристаллами хрусталя, усеян изумрудами и топазами. Они царственно сияли, порождая полосы холодного света, которые Саня видела из-за двери. Дивный свет нёс восхищение.

Посередине пещеры на малахитовом постаменте лежал исполинский прозрачный шар, диаметром, пожалуй, в два роста Сани. Постамент обегала дорожка, усеянная мелкими кристаллами-песчинками: ярко-жёлтыми, сочно-зелёными, пылающими красными. Смешанные, они искрились, создавая чарующую текучесть: будто ручеек многоцветья обтекал постамент с шаром.

Большую часть пещеры занимали глыбы гранита и мрамора, разбросанные как попало. На них лежали ящерики, золотые и серебряные, их была тьма-тьмушая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.